

Проблема адаптации русских эмигрантов первой волны в Чехословакии: языковой аспект

Мария Е. Горохова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gorokhova.m@rggu.ru*

Аннотация. На сегодняшний день существует множество работ, исследующих русское зарубежье и его всестороннее культурное наследие. В то же время документальные памятники истории и культуры России, привезенные русскими эмигрантами, являются наиболее ярким свидетельством духовности вынужденных переселенцев из России и их значимости в сохранении национального единства в эмигрантской общине. Кроме того, рассматривая данные памятники, мы можем оценить роль русской эмиграции в продолжении исторических традиций русской диаспоры. В настоящей статье проанализированы сведения о языковой адаптации русских эмигрантов первой волны в Первой Республике Чехословакия, что позволяет более глубоко рассмотреть все стороны эмиграции, а также узнать о повседневной жизни наших соотечественников на чужбине. Целью исследования является изучение языковой адаптации русских эмигрантов в Чехословакии в межвоенный период, выявление их отношения к необходимости знания чешского и словацкого языков и анализ способов их изучения. Автор приходит к выводу, что далеко не все эмигранты хотели изучать чешский и словацкий языки, не видели в этом необходимости, будучи уверенными в возвращении на родину. Однако с течением времени и крахом надежд на возвращение эмигранты, оставшиеся в Чехословакии, стали проявлять все больший интерес к изучению языка и культуры страны пребывания, ставшей им второй родиной.

Ключевые слова: эмиграция, первая волна, адаптация, Чехословакия, чешский язык, белочехи, Т.Г. Масарик, межвоенный период, словацкий язык, Россия, русский язык

Для цитирования: Горохова М.Е. Проблема адаптации русских эмигрантов первой волны в Чехословакии: языковой аспект // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 110–121. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-110-121

The problem of adaptation of the Russian emigrants of the first wave in Czechoslovakia: the language aspect

Mariya E. Gorokhova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gorokhova.m@rggu.ru*

Abstract. Nowadays there exist many works dedicated to the Russian Abroad and its multifaceted cultural heritage. The Russian documentary historical and cultural legacy brought by Russian emigrants is the most striking evidence of the spirituality of the Russian emigration; it also demonstrates its significance in preserving the national unity in the emigrant community. Moreover, by reviewing those sources, we can evaluate the role of the Russian emigration in maintaining the historical traditions of the Russian Diaspora. This article will analyze the data connected with the language adaptation of the Russian emigrants of the first wave in the First Republic of Czechoslovakia; it is this aspect that can allow us a deeper look at all the aspects of emigration, as well as provide a possibility to learn about the everyday life of our compatriots in a foreign land. The aim of the research is to study the linguistic adaptation of the Russian emigrants in Czechoslovakia in the interwar period, to reveal their attitude towards the necessity to learn the Czech and Slovak languages and to analyze the methods of mastering those languages. As a result of the study, the author comes to the conclusion that not all emigrants wanted to learn the Czech and Slovak languages; they did not see any need for that, since they were confident they would return to their motherland. However, over time and with no hope of returning, the emigrants who had remained in Czechoslovakia started displaying a growing interest in learning the language and culture of the host country that was to become their second motherland.

Keywords: emigration, first wave, adaptation, Czechoslovakia, Czech language, White Czechs, T.G. Masaryk, interwar period, Slovak language, Russia, Russian language

For citation: Gorokhova, M.E. (2020), "The problem of adaptation of the Russian emigrants of the first wave in Czechoslovakia: the language aspect", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 110–121, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-110-121

Введение

Прага в период между двумя мировыми войнами стала для русской общественности своеобразным интеллектуальным странством. С самого начала своего пребывания за рубежом многие

представители русской эмиграции понимали необходимость сохранения традиций и достояния русской истории и культуры.

Задачей данной статьи является изучение адаптации русских эмигрантов в Праге. При этом важно выяснить отношение к освоению чешского языка русскими и русского чехами.

Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии эта тема не освещена в полной мере. Проблема адаптации в целом и языковой аспект в частности упоминаются в ряде общих работ по истории Чехословакии и «Русской акции» [Савицкий 2020, с. 113]. Однако до сих пор не было отдельного исследования по данному вопросу.

Привлеченные источники позволили раскрыть малоизученные страницы русского зарубежья, узнать об особенностях жизни эмигрантов, их следовании русским традициям и отношении к русским праздникам. Среди этих источников можно акцентировать внимание на следующих документах: «Воспоминания профессора Новгородцева П.М. из Праги»¹; «Отчеты о деятельности представительства белоэмигрантского Российского общества Красного Креста в Чехословакии»²; заметки из журнала «Воля России»³.

Россия за рубежом: попытка сохранения русского языка

В течение многих столетий чешские владения являлись местом соприкосновения различных культурных традиций. Особенно ярко эту характерную особенность можно было заметить в столице Чехии – Праге. Культура этого города сочетала в себе славянские, германские и еврейские компоненты. Вполне справедливой можно считать точку зрения американского исследователя Д. Сайера, который отмечал, что в чешской столице проблема соотношения лингвистической принадлежности и национальной идентичности в течение двух последних столетий продолжала быть своевременной и злободневной [Рейтман 1999, с. 56]. Важная роль в процессе

¹Воспоминания профессора Новгородцева П.М. из Праги // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5919. Оп. 1. Д. 122. Л. 2.

²Отчеты о деятельности представительства белоэмигрантского Российского общества Красного Креста в Чехословакии // ГАРФ. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

³Воля России (Volja Rossii) / Ред. И. Давид; изд. Е. Лазарев, при близ. участии В.М. Зензинова, В.И. Лебедева, О.С. Минора. 1920. 12 сент.; 1921. 9 окт.

этнического и государственного образования отводилась языку, так как, согласно мнению чешского филолога Т. Гланца, он являлся маркером самоидентификации, независимости, культурных и гражданских достоинств и национальной культуры в целом [Glanc 2003, pp. 5–9].

Именно язык всегда служил одним из главных признаков коллективной идентичности. П. Бёрк, британский историк культуры, медиевист, эксперт по истории культуры Нового и новейшего времени, заявлял, что «говорить на том же языке или диалекте, что и окружающие тебя люди, – простой и эффективный способ проявить солидарность; говорить на другом языке или диалекте – столь же эффективный способ противопоставить себя другим личностям или группам» [Burke 2004, p. 121]. Но как взаимодействуют разные языки в повседневной жизненной практике? И как эти отношения отражались в истории пражского многоязычия в судьбоносные для Чехословакии 1920–1930-е гг.?

Одним из ведущих факторов в процессе адаптации вынужденных переселенцев всегда являлся лингвистический. Знание иностранных языков, безусловно, играет существенную роль в ведении культурного диалога и социализации человека в новом обществе. Философы современности утверждают, что язык – важнейшая составляющая, которая объединяет в себе ценности и традиции определенной этнической общности [Соколов 1991, с. 187]. Немецкий философ-идеалист М. Хайдеггер определял язык как «дом бытия» [Хайдеггер 1997, с. 243]. Для русских эмигрантов жизнь в пространстве нового языка зачастую становилась весьма сложным испытанием. У многих из них возникла лингвистическая травма вследствие столкновения с новыми лингвистическими стандартами.

Современные исследователи неоднократно подчеркивали, что язык является одним из важнейших способов выражения этнической индивидуальности. Они утверждают, что национальное единство заключается не во владении языком всеми представителями диаспоры, а скорее в том, что благодаря языку в этнической группе формируется чувство единения и родственности в условиях межгрупповой дифференциации [Серрапионова 2006, с. 94].

Эмигрантов из России в послереволюционный период во многих городах и странах, в том числе и в Праге, объединяла надежда на возвращение на родину. Главной задачей для вынужденных переселенцев стало сохранение и распространение культурных обычаев и традиций русского народа. Русский язык непосредственно участвовал в реализации данной задачи и, кроме того, по замечанию американского историка М. Раева, «был тем базовым элементом, который не просто воплощал в себе традицию современной

русской культуры, отражая ее в литературе, но также представлял собой существенный элемент самосознания «граждан» Зарубежной России» [Раев 1994, с. 127].

Русский язык помогал эмигрантам поддерживать связь с родиной и преодолеть национальную раздробленность и обособленность. Именно русский язык являлся важнейшим фактором национального и культурного единства русской эмигрантской общины. Кроме того, он стал значимым инструментом самовыражения и самоопределения в чужом и незнакомом для людей пространстве.

Необходимо отметить, что не все эмигранты являлись интеллигенцией. Часть из них была земледельцами, военными, казаками. Естественно, практически никто не владел чешским или словацким языками. Как чехи, так и словаки в XIX в. были русофилами: они хорошо знали русскую культуру, литературу и положительно относились к России, как и ко всем славянским странам, поэтому эмиграция пришла на подготовленную почву.

Чешская интеллигенция и государственные деятели, в первую очередь К. Крамарж и Т.Г. Масарик, были знатоками России. В большинстве своем людей, приехавших в Чехословакию, приглашало правительство, им оказывалась помощь. Важно, что те эмигранты не желали покидать Россию. Они хотели помогать ей, трудиться, были в основном людьми высокого морального склада и приверженцами избранных идей. Поэтому никакой вражды между коренным населением страны и русскими эмигрантами тогда не было⁴.

Естественно, чешская культура и русская эмиграция пересекались на разных уровнях. Русские эмигранты познавали чешскую культуру, создавая совместные организации. Одним из них стало «*Česko-ruská jednota*» («Чешско-русское единство»), в котором состояли чешские и русские переводчики, писатели. Они устраивали вечера, читали стихи. В то время стало традицией праздновать юбилей.

В Чехословакии русский язык поддерживался также и на институциональном уровне. Русские издательства, так же как и различные учебные, научные и культурно-просветительские организации, получали материальную поддержку от чешских властей. Русское издательство «Наша речь» появилось в Праге еще в 1919 г. «Наша речь» выпускала буквари, книги русских классиков, работы об искусстве России и т. д. В 1923 г. издательство переименовали в «Пламя», после чего оно получило известность не только на территории Чехословакии, но и в других европейских странах.

⁴Письма Вершинина В.М. о деятельности в Праге // ГАРФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 85.

Впоследствии «Пламя» стало одним из самых крупных и знаменитых русских издательств за рубежом. Со временем в Чехословакии образовалась целая сеть русских издательских компаний. Кроме того, и чешские издательства, такие как «Орбис», стали выпускать русскоязычную литературу на постоянной основе. В 20–30-е гг. XX в. в чешской столице издавались такие газеты на русском языке, как «Огни», «Неделя», «Русское дело», «Славянская заря», а также журналы «Воля России», «Студенческие годы», «На чужой стороне», «Вольная Сибирь» и др. При содействии государственных структур в Чехии были созданы специальные читальные залы для представителей эмиграции. В 1920-е гг. под покровительством Министерства иностранных дел была открыта Славянская библиотека, в которой до сих пор хранится наибольшее количество русскоязычных книг в Европе⁵.

Самым надежным и фундаментальным методом сохранения русского языка за рубежом оставалось государственное образование. Для этого у детей представителей русской эмиграции была возможность обучения в Русской реальной гимназии в Праге или в Русской гимназии в Моравской Тржебове. Молодежь в свою очередь имела шанс получить образование на русском языке в одном из высших учебных заведений Праги, который был создан специально для реализации данных целей [Фирсов 1997, с. 89].

Многие интеллектуалы и политические деятели Чехии знали русский язык. Это объяснялось культурной традицией, которая была зарождена деятелями национального возрождения. То, что многие жители Чехословакии владели русским языком на довольно приличном уровне, безусловно, упрощало жизнь русской эмигрантской общины. Президент Чехословакии Т. Масарик еще в молодости начал изучать русский язык и даже вел переписку на нем [Шкаренков 1987, с. 184]. В.Ф. Булгаков вспоминал, как в 1923 г. он попал на прием к советнику Министерства иностранных дел Й. Благожу. Тогда Булгаков попросил у Благожу о встрече с президентом Т. Масариком. Советник в тот же день позвонил главе Канцелярии президента П. Шамалу: «Очевидно, из любезности ко мне, он и с “канцлером” ... вел разговор по-русски. Одно из ближайших к президенту лиц, бывший участник подпольной чешской антигабсбургской “мафии”, канцлер д-р Шамал также говорил по-русски! Что это за “иностранное” государство, в которое я попал?!»⁶

⁵ Доклад правления «Общества» годичному общему собранию о работе правления // ГАРФ. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 3.

⁶ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 33.

*Чешский язык
как основа новой русской реальности*

Несмотря на то что многие славянские языки близки и имеют много общего, большинство русских ученых, приглашенных в Чехословакию в рамках «Русской акции», не владели чешским языком на достаточном уровне [Фирсов 1997, с. 101]. Стоит отметить, что не вся столичная интеллигенция – московская и петербургская – хотела изучать чешский язык. На этой почве возникли проблемы, но со временем они были улажены. Некоторые представители интеллигенции выучили чешский язык и даже стали на нем преподавать.

Одним из представителей русской интеллигенции в Праге, который в совершенстве знал чешский язык, был академик В.А. Францев. Некоторые его современники утверждали, что коренные жители Чехословакии были удивлены знанию Францевым изысканного чешского языка, на котором они сами уже давно потеряли навык говорить [Фирсов 1997, с. 103]. Свободное владение академиком и русским, и чешским языками выражалось и в преподавании. Лекции в Карловом университете он вел поочередно на двух языках. Крупнейший славист своего времени, В.А. Францев принадлежал к числу немногих русских ученых, которые в начале 1920-х гг. получили от чехословацкого правительства специальные приглашения для приезда на работу в республику. Для Чехии он был не чужим человеком: многократно посещал Прагу еще до революции 1917 г., имел там множество друзей, блестяще владел чешским языком и слыл большим знатоком истории чешского национального возрождения. Поэтому его знание Чехии и чехов было иным, нежели у его соотечественников, оказавшихся в Праге [Ульянкина 1998, с. 297]. В.А. Францев являлся скорее исключением из правил, чем примером общей закономерности.

Из-за отсутствия необходимых источников невозможно с точностью определить уровень владения чешским языком различных групп эмигрантской общины. Несмотря на сложность и комплексность сложившейся ситуации, в тот период не предпринималось попыток изучить эту проблему. Соответственно, отсутствуют какие-либо статистические исследования на данную тему. Тем не менее лингвистический вопрос был острым и злободневным для значительного количества русских эмигрантов, проживавших в Праге. Кроме того, чем дольше русские жители оставались в Чехословакии за неимением возможности вернуться на родину, тем более значительной становилась эта проблема.

Статус чешского языка заметно изменился после 1918 г., когда было создано независимое Чехословацкое государство. Это связа-

но с укреплением положения коренных жителей в качестве доминирующей части населения, а также обладанием реальной политической властью в новой стране⁷. Усиление чешского самосознания происходило по линии «язык – нация – государство». В то же время немецкий язык и немецкая культура стали восприниматься как враждебные.

Помимо этого, у многих чехов была возможность изучать русский язык в чешских образовательных учреждениях. Особенной популярностью он пользовался в высшей школе. Необходимость в русскоязычных специалистах была связана в основном не с личным желанием чехов общаться с представителями эмиграции на русском языке, а с потребностью поддерживать и развивать отношения, например торговые, с Советским Союзом. Для этих целей русский филолог-эмигрант Л.В. Копецкий участвовал в издании специализированного учебника русского языка для чехов. Копецкий во многом содействовал российско-чешскому сближению в научной сфере⁸. Он оказался в Чехословакии, еще будучи очень молодым человеком. Окончив Карлов университет, он включился в преподавательскую деятельность, начал работать в Высшем коммерческом училище. В 1930-е гг. Л.В. Копецкий сблизился с Пражским лингвистическим кружком и тогда же выпустил свои первые учебные пособия по русскому языку. Он полагал, что для чехов необходимо создать специальные программы обучения, основанные на сходстве двух языков.

Л.В. Копецкий также считал, что невозможно научиться чужому языку без знания истории и культуры. В конце 1930-х гг. он выпустил первое издание «Русско-чешского словаря», который быстро завоевал авторитет и популярность. В послевоенные годы Л.В. Копецкий продолжил свою работу. Его словари по сей день остаются непревзойденными.

Интересен тот факт, что многие представители русской интеллигенции, проживавшие в Чехословакии в межвоенный период, отдавали предпочтение общению со своими коллегами-интеллектуалами именно на русском языке⁹. Таким образом, можно прийти

⁷Письма Богумина о деятельности в Берлине и Праге // ГАРФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 80.

⁸Славянская зоря / Ред.-изд. Ф.К. Шнепп. 1920. 10 сен. С. 7.

⁹Положение о чешско-русском белоэмигрантском кредитном учреждении «Социетас». Проект устава посреднической камеры примирения при Объединении русских белоэмигрантских организаций в ЧСР. Положение о постоянном третейском суде при Объединении Русских белоэмигрантских организаций ЧСР. Копии // ГАРФ. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

к выводу, что он оставался главным средством межнационального общения.

Лингвистические курсы также помогли уменьшить языковой барьер. Для более эффективной адаптации в новом языковом пространстве чешский язык постепенно стали вводить в учебные программы русских образовательных учреждений. Тот же подход осуществляли и в Чехословакии. Так, в 1921 г. были созданы Высшие русские дополнительные курсы в Праге для представителей русской эмиграции, которые уже являлись студентами высших учебных заведений Чехии. В программе данных курсов значительную роль играло изучение чешского языка, который преподавал В.А. Францев. Также в 1922 г. в Карловом университете был организован дополнительный курс чешского языка для студентов-филологов. По данным официальных документов, этот курс студенты «принимали с благодарностью и указывали, что он дал возможность систематизировать те разрозненные знания, полученные ими при прослушивании чешских курсов, сдачи коллоквиумов и путем конверсации» [Инов 2005, с. 77]. В Русском институте сельскохозяйственной кооперации чешский язык был введен как один из обязательных предметов. На изучение чешского языка там отводилось по 1–2 часа в течение двух первых курсов, и по его окончании студенты получали, кроме оценок, также специальное свидетельство о знании чешского языка. В Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского также вводилась программа изучения чешского языка (по 2 часа на протяжении двух семестров) [Инов 2005, с. 81].

Однако у некоторых русских эмигрантов было неоднозначное и пренебрежительное отношение к чешскому языку. В нем видели жаргон и примитивность, сравнивая его с родным языком. «Мы от души потешались... над меткими сравнениями чешских слов с русскими... Они были на самом деле очень похожи на русские, но имели порой совсем иной, неожиданный смысл, а их сходство казалось некой карикатурой, некрасивым примитивным жаргоном литературного русского языка. Рассказывалась масса анекдотов, случавшихся с нашими соотечественниками, легко путавшими чешские слова с русскими и наивно думавшими, что стоит слегка исковеркать свой язык, чтобы получился чешский»¹⁰. Такое отношение мало чем отличалось от мнения многих русскоязычных вынужденных переселенцев, для которых Чехия была лишь перевалочным пунктом, временной остановкой на пути к другим странам. Кто-то мечтал о возвращении на родину. Поднимался и

¹⁰ *Цветаева М.* Спасибо за долгую память любви... Письма к Анне Тесковой: 1922–1939. М.: Русский путь, 2009. 400 с.

вопрос значимости чешского языка в контексте европейской и общемировой культуры. Многие не считали его достойным изучения и не проявляли особого интереса к чешскому культурному и историческому наследию. В изучении языка было в основном заинтересовано молодое поколение, и прежде всего студенты.

Заключение

Языковая адаптация русской эмиграции, на примере Чехословакии 20–30-х гг. XX в., определялась культурным восприятием самими переселенцами из России себя и своих задач в условиях принявшей их страны. В период, когда у представителей русской эмиграции все еще была надежда на возвращение на родину, они жили довольно обособленно и не задумывались о приобщении к чешской культуре и общественной жизни. Однако, когда проходило достаточное количество времени и возможность уехать обратно в Россию уменьшалась, лингвистическая и культурная проблема приобретала все большую значимость. Постепенно она становилась причиной своеобразной культурной обособленности, которая «усиливалась попытками сохранить российскую идентичность» [Ковалев 2014, с. 87]. Вместе с тем следует признать, что для немногочисленных эмигрантов, остававшихся в Чехословакии к началу Второй мировой войны, языковой вопрос остро уже не стоял. За время пребывания на чужбине они в целом овладели чешским языком, используя его для работы и бытовых нужд.

Литература

- Инов 2005 – *Инов И.В.* Томаш Гарриг Масарик и российские литераторы и журналисты // Т.Г. Масарик и «русская акция» чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика: По Материалам Международной научной конференции / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М.: Русский путь, 2005. С. 75–87. (Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: материалы и исследования, вып. 5).
- Ковалев 2014 – *Ковалев М.В.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е годы: исторические очерки. Саратов: Саратов. гос. тех. ун-т им. Ю.А. Гагарина, 2014. 154 с.
- Раев 1994 – *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 293 с.
- Рейтман 1999 – *Рейтман М.* Знаменитые эмигранты из России. Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. 256 с.

- Серापionoва 2006 – *Серапionoва Е.П.* Карел Крамарж и Россия: 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.
- Соколов 1991 – *Соколов А.Г.* Судьбы русской литературной эмиграции в 1920-х гг. М.: Изд-во МГУ, 1991. 515 с.
- Фирсов 1997 – *Фирсов Е.Ф.* Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928–1934). М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. 202 с.
- Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
- Шкаренков 1987 – *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. 272 с.
- Burke 2004 – *Burke P.* Languages and Communities in Early Modern Europe. Cambridge University Press, UK, 2004. 228 p.
- Glanc 2003 – *Glanc T.* Trvá to celou věčnost! Praha: Malá Skála, 2003. 227 s.

References

- Burke, P. (2004), *Languages and Communities in Early Modern Europe*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Inov, I.V. (2005), “Tomash Garrig Masarik i russkie pisateli i zhurnalisty” [Tomash Garrig Masaryk and Russian writers and journalists], in M.G. Vandalkovskaya (ed.), *T.G. Masarik i “russkaya aktsiya” chekhoslovatskogo pravitel’sstva: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya T.G. Masarika: Po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [T.G. Masaryk and the “Russian action” of the Czechoslovak government: to the 150th anniversary of the birth of T.G. Masaryk. Proceedings of the international conference], Moscow, Russia, pp. 75–87. (Biblioteka-fond “Russkoe zarubezh’e”: materialy i issledovaniya, vyp. 5)
- Firsov, E.F. (1997) *Opyt demokrati v CHSR pri Tomashe Masarike: koalitsionnyi plyuralizm (1928–1934)* [Democracy experience in the Czechoslovak Republic under Tomas Masaryk: coalition pluralism], Institut slavyanovedeniya I balkanistiki RAN, Moscow, Russia.
- Glanc, T. (2003), *Trvá to celou věčnost!* [It takes forever!], Malá Skála, Praha, Czech Republic.
- Heidegger, M. (1997), *Being and Time*, Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Kovalev, M.V. (2014), *Povsednevnyaya zhizn’ rossiiskoi emigratsii v Prage v 1920–1930-e gody: istoricheskie ocherki* [Everyday life of Russian emigration in Prague in the 1920s and 1930s: historical essays], Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin, Saratov, Russia.
- Raev, M. (1994), *Rossiya za rubezhom. Istoriya kultury russkoi emigratsii 1919–1939* [Russia abroad. The history of the culture of the Russian emigration 1919–1939], Progress-Academiya, Moscow, Russia.

- Reitman, M. (1999), *Znamenitye emigranty iz Rossii* [Famous emigrants from Russia], Feniks, Rostov-on-Don, Russia.
- Serapionova, E.P. (2006), *Karel Kramarzh i Rossiya. 1890–1937 gody: ideinye vozreniya, politicheskaya aktivnost', svyazi s rossiiskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatelyami* [Karel Kramarge and Russia. 1890–1937: ideological views, political activity, communication with Russian state and public figures], Nauka, Moscow, Russia.
- Shkarenkov, L.K. (1987), *Agoniya beloi emigracii* [The agony of white emigration], Mysl', Moscow, Russia.
- Sokolov, A.G. (1991), *Sud'by russkoi literaturnoi ehmigratsii v 1920-kh gg.* [The fate of the Russian literary emigration in the 1920s], Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Мария Е. Горохова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gorokhova.m@rggu.ru

Information about the author

Mariya E. Gorokhova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; gorokhova.m@rggu.ru